

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2016-2017 УЧЕБНЫЙ ГОД
10 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 300 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (*на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста*).

1. Выполните целостный анализ рассказа Ю.В. Трифонова (1925–1981). Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: название, система персонажей, финал, мотив огня/костра.

Ю.В. Трифонов

Победитель

Мы слышим шум катящегося по паркету кресла, дверь отворяется. Сначала появляются ноги в клетчатых домашних туфлях, лежащие на нижней перекладине кресла; ноги выдвигаются сбоку, затем поворачиваются носками к нам, и мы видим все кресло и сидящего в нем маленького старика. За спинкой кресла возвышается тот усач, что отворял нам ворота. Старик смотрит на нас без улыбки, ничего не говоря. Его лысая голова вставлена в плечи без помощи шеи. Она как бы утоплена в плечи и напоминает глубоко ввинченную в горлышко бутылки пробку. Есть такие приземистые пузатые бутылки, которые затыкаются глубоко сидящими пробками-айсбергами. Вытащить такую пробку бывает адски трудно. Кончается тем, что она крошится, ее проталкивают внутрь и пьют с крошками. Похоже, что голова старика имеет как бы продолжение под воротником. Во всяком случае, стариковского подбородка мы не видим – он утоплен, сидит где-то внизу, замотанный фуляровым платком. Кроме всего прочего, старик тотально лыс. Мало того, что лыса его голова, так же лысы его глаза без ресниц и руки, плоско лежащие на коленях, и, когда он улыбнулся, мы увидели его совершенно лысые десны.

Усач ловко и аккуратно приподнимает кресло, чтобы преодолеть небольшой порожек несильным, рассчитанным движением подталкивает его, и оно, катнувшись по полу, останавливается точно на середине комнаты.

– Yoïla, – говорит усач и уходит.

Базиль заговаривает со стариком по-французски. Старик слушает, едва заметно кивая, от чего кажется, что его голова еще глубже всаживается в плечи. Он мог бы, наверное, всю голову спрятать внутрь. Когда ему надоест слушать болтовню Базиля, прекрасно говорящего по-французски, он скажет «адью» и втянет голову, как черепаха.

Обернувшись к нам, Базиль объясняет:

– Я сказал, что мы о нем много слышали, специально приехали из Гренобля и так далее. Старик что-то бормочет.

– Он говорит, что рад нас приветствовать, – говорит Базиль.

Следует еще одна длинная фраза.

– Говорит, что всегда интересовался Россией. У него был один русский друг в Марселе, хороший человек, который умер от лихорадки... La fièvre?

– Oui.

– Ну да, от лихорадки.

Старик еще что-то добавляет.

– Умер от лихорадки в Алжире, – говорит Базиль. – Хотел поехать в Болгарию, но умер.

– Кто хотел поехать в Болгарию? – спрашивает Борька.

– Его друг. Из Марселя.

– Зачем в Болгарию?

– Какая тебе разница? Не задавайте пустых вопросов, у нас времени мало! – грубо говорит Базиль. – Я не хочу возвращаться ночью. Мне еще надо заправляться, учтите.

Мне хочется сказать: «Не нужно было так долго обедать, чертов обжора», – но я молчу, поняв, что это бесполезно. Мы у него в плену. Когда-то с Базилем мы жили в одном общежитии, его звали тогда Васькой, Потапычем или просто Хорьком, и он был худ, я тоже был худ, хотя мы пили много пива в подвале на Неглинной. Теперь этого подвала нет. Шесть лет уже Базиль тут, во Франции. Он работает, как бешеный паровой молот: почти через день я читаю его корреспонденции. И он стал похож на француза: такой толстый, суетливый, раздражительный, завел себе крохотные усики, настоящие французские усики, какие были в моде в двадцатые годы, а сейчас появились вновь так же, как брюки клеш.

В местной газете Базиль прочитал, что в городе Кулозе, недалеко от Гренобля, живет старец, участвовавший в Парижских олимпийских играх 1900 года. Занял последнее место в беге на четыреста метров, но дело не в месте, а в том, что участвовал и жив. Мы с Борькой загорелись найти этого Мафусаила, хоть посмотреть на него, и убедили Базиля, обладающего казенным автомобилем, свезти нас в Кулоз. Он долго упорствовал, говоря, что не может тратить время на пустяки, что в Гренобль со дня на день ждут президента и уезжать нельзя, что бензин нынче дорог и что вся затея пахнет дешевой сенсационностью. Ну, девяносто четыре, ну, участвовал в каких-то играх, ну и что? Смысл? Идея? Если б он знал Лафарга или слышал Жореса... Старость еще не тема, даже такая чудовищная, никому не нужная старость, как этого неудачника, занявшего последнее место в бог знает каком году, когда летали матерчатые самолеты и еще не было радио. Но затем выяснилось, что президент в Гренобль не приедет, что бензин не так уж дорог, тем более что квитанции прикладываются к отчету и оплачиваются валютой, и что по дороге в Кулоз на берегу озера есть ресторан, знаменитый рыбными супами и каким-то особенно прекрасным вином. Мы выехали в двенадцать, в час были у озера и в седьмом часу, когда уже стемнело, примчались в Кулоз. И вот мы сидим и смотрим на старика, голова которого похожа на туго забитую пробку, а в глазах – темная, как вода в стоячем пруду, усталость от вековой жизни.

О чем говорить с ним? Он ничего не помнит. Годы труда, годы житейских невзгод и удач, войны, смерти, болезни, революции, праздники перепутались в его мозгу, уже где-то цепенеющем и откликающемся на что-то одно, свое, случайное, как полумертвый радиоприемник, в котором все лампы вышли из строя, кроме одной. Но я не могу уловить, на что же откликается этот мозг, что теплится в нем, чем он живет. Он помнит, что победители на Парижских играх получали в награду зонты и трости. Что в Булонском лесу шел дождь. Что была выставка. И что-то еще, невнятное, туманное. Мелькают бессвязно какие-то имена, возникают лица, но он не уверен, что эти лица оттуда, а не откуда-то раньше или позже; когда он лежал в госпитале, был жаркий летний день и один человек, пробегая мимо окна, крикнул, что какой-то русский застрелил президента.

– Спроси у него, как он относится к делу Дрейфуса, – говорит Борька.

Базиль спрашивает.

– Он возмущен, – говорит Базиль.

– Скажи, что лучшие люди нашей страны, например Чехов...

– Спроси, что он думает об англо-бурской войне? – говорю я. – Победят ли англичане?

– А как он относится к Метерлинку?

Губы старика раздвигаются, мы опять видим его лысые десны. Может быть, он понял нашу шутку, а может, улыбается чему-то своему, тайному. Усач входит в комнату с граненой

бутылкой виски и четырьмя стаканами. Базиль и усач начинают оживленную трепотню, оба смеются, говорят громко и после каждого глотка виски все громче. Усач хохочет, Базиль шлепает его, как старого приятеля, пятерней по животу. Иногда Базиль кое-что нам объясняет.

– Этот тип, мсье Жозеф, муж женщины, которая за стариком ходит... Она получает четыреста сорок франков. Работа тяжелая, потому что старик Salissan? Ага, очень грязный, большой грязнуля... он ведь совсем один, детей не было. Люди становятся грязными от одиночества... Мсье Жозеф не понимает, зачем нам понадобился этот старый... marchand d'engrais. Старый навозник? Пожалуй, нет, старый ассенизатор, это будет точнее. Я тоже, кстати, не понимаю, зачем понадобился... Про Олимпийские игры мсье Жозеф слышал, но не верит, считает, что враки, брехня, les sornettes... Старик утверждает, что занял первое место, все это les sornettes... Сказать можно все... Мсье Жозеф работает шофером на полицейской машине...

Усач уже красный, глаза его слегка раскорячиваются, он выпил, по-видимому, недельную норму. К тому же он не привык к неразбавленному, безо льда, а Базиль с его вечной спешкой и бесцеремонностью потребовал пить так, побыстрее и поударней. Для Базиля-то, имеющего опыт подвала на Неглинной и двухлетних скитаний с экспедициями по Уралу, все это, конечно, «что слону дробинка». Поразительный персонаж наш Базиль! В свои тридцать семь лет он уже пережил два инфаркта, одно кораблекрушение, блокаду Ленинграда, смерть родителей, его чуть не убили где-то в Индонезии, он прыгал с парашютом в Африке, он голодал, бедствовал, французский язык выучил самоучкой, он виртуозно ругается матом, дружит с авангардистами и больше всего на свете любит рыбалку летом на Волге.

Продолжая улыбаться, старик повторяет что-то невразумительно, но настойчиво. Он бубнит одну фразу несколько раз, пока наконец Базиль не обращает на него внимание.

– Он говорит, что он победитель Олимпийских игр.

– В каком виде? – спрашивает Борька.

– Во всех, – говорит Базиль, выслушав ответ старика. Когда-то он занял последнее место в беге на четыреста метров, но теперь он победитель. Все умерли, а он жив.

Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике. Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, – все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля – окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета. Никто из тех, кто когда-то побеждал его, не может увидеть этой дрожащей серебряной капли, ибо все они ушли, сами превратившись в звезды, в сырые деревья, в февраль, в вечер.

– Просто надо жить долго, вот и все. Надо жить долго! – говорит Борька, когда мы, выйдя из дома, идем гуськом впотьмах по каменистой дороге к воротам.

Усач провожает нас, светя фонариком. Они вполголоса разговаривают с Базилем. Базиль переводит: усач сказал, что здесь очень здоровый, крепкий климат, а старик почти всю жизнь прожил в Кулозе.

– Не надо жить долго, – бормочет Базиль, открывая дверцу машины. – И тот малый, который выиграл тогда четыреста метров, семьдесят лет назад, – пускай он сгнил потом где-нибудь под Верденом или на Марне, – все ж таки он... А этот со своим долголетием слоновой черепахи...

Сразу же Базиль дает сильный газ, отлетают назад дома, фонари, спящие на узкой улице – два колеса на тротуаре, два на мостовой – скособочившиеся автомобили, и вот уже город позади, мы среди поля, во тьме. Потом начинаются подъем, виражи, туннели, дорога вдоль озера напоминает крымский серпантин, но Базиль гонит, не сбавляя скорости. Нас

кидает, стучает о стенки, мы молчим, мы у него в плену. Он включил радио и слушает какую-то политическую передачу, два голоса беседуют негромко, наперебой, то и дело слышится: «Вильсон», «Кизингер», «Помпиду», Через полчаса, миновав растянувшееся на двадцать километров озеро, мы останавливаемся на шоссе. Выходим из машины. Слева – гора, справа – долина, огни. Какое-то голое деревенское шоссе, ни одной машины, тишина, холод и близкая ночь. Мы стоим на некотором отдалении друг от друга под небом, ошеломительно бледным и пестрым от звезд. Пахнет землей, пролитым на асфальт бензином и какой-то гарью, вроде прелых, чадающих в костре сучьев. Жгут костер на склоне, это далеко, но ветром доносит запах. Меня знобит, не могу унять дрожь во всем теле. На холоде после вина всегда чертовки знобит. И я думаю о том, что можно быть безумнейшим стариком, забывшим умереть, никому не нужным, но вдруг – пронзительно, до дрожи – почуять этот запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы...

1968

Примечания

Лафарг Поль (1842–1911) – французский экономист и политик.

Жорес Жан (1859–1914) – французский политик-социалист.

Дело Дрейфуса – известный судебный процесс, происходивший во Франции в 1894 году над французским офицером еврейского происхождения Альфредом Дрейфусом (1859–1935). Дрейфус несправедливо обвинялся в шпионаже в пользу Германской империи.

Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1911 год.

Мафусаил – библейский персонаж, проживший, согласно Ветхому Завету, 969 лет.

Вильсон Джеймс Гарольд (1916–1995) – премьер министр Великобритании с 1964 по 1970 и с 1974 по 1976 годы.

Кизингер Курт Георг (1904–1988) – канцлер ФРГ с 1966 по 1969 год.

Помпиду Жорж (1911–1974) – президент французской Пятой республики с 1969 по 1974 годы.

2. Выполните целостный анализ стихотворения А.С. Кушнера (род. в 1936). Обратите внимание на следующие компоненты его содержания и формы/поэтики: композиция, взаимодействие темы «пустяков» и темы поэзии.

А.С. Кушнер

Тарелку мыл под быструю струей
И всё отмыть с нее хотел цветочек,
Приняв его за крошку, за сырой
Клочок еды, – одной из проволочек
В ряду заминок эта тень была
Рассеянности, жизнь одолевавшей...
Смыть, смыть, стереть, добраться до бела,
До сути, нам сквозь сумрак просиявшей.
Но выяснилось: желто-голубой
Цветочек неделим и несмываем.
Ты ж просто недоволен сам собой,
Поэтому и мгла стоит за краем
Тоски, за срезом дней, за ободком,

Под пальцами приподнято-волнистым...
Поэзия, следи за пустяком,
Сперва за пустяком, потом за смыслом.

1982

II тур
Творческое задание

Напишите эссе на тему «Путешествие в литературе» (рекомендуемый объем – не менее 250 слов), используя известные Вам образы путешествующих героев отечественной и зарубежной литературы любого периода.